

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ПРЕЛЮДИЯ: БОРИСОВ – ЛОШНИЦА – КРУПКИ	6
ПОДГОТОВКА КОНТРУДАРА.....	46
«ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД».....	73
ИТОГИ БОЕВ	128
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	133

Танки Т-34, застрявшие в болотистой пойме реки Дзержинская у Толочина, рядом с автострадой Минск – Москва. Июль 1941 года. На переднем плане Т-34 с пушкой Л-11 выпуска 1940 года из состава танкового батальона Орловского бронетанкового училища. Обратите внимание, что машина имеет трехцветную камуфляжную окраску (РГАКФД).

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателям книга посвящена боевым действиям танковых частей Западного фронта в районе Сенно – Лепель в начале июля 1941 года. Эта была последняя наступательная операция, в которой участвовали механизированные корпуса Красной армии формирования 1940–1941 года. Несмотря на большое количество задействованных в боях танков (с советской и немецкой стороны – почти 2000 машин на довольно узком участке фронта), это сражение до сих пор остается малоизученным и не так часто упоминаемым в литературе, как например танковые бои на Украине в районе Луцк – Броды – Дубно в июне 1941 года.

Одной из причин этого является относительно небольшое количество документов о боях в районе Сенно – Лепель, сохранившихся в отечественных архивах. Это связано с тем, что многие соединения и части, участвовавшие в данной операции, впоследствии, в ходе Смоленского сражения, попали в окружение – в результате, значительная часть оперсводок, боевых донесений, отчетов и т. п. оказались уничтоженными. Например, в журнале боевых действий 5-го механизированного корпуса записано, что из-за уничтожения большей части оперативных документов при выходе корпуса из окружения 4 августа 1941 года, записи велись по памяти, «по справкам участников боев и по отдельным оперативным документам». Аналогичная ситуация и с 1-й моторизованной дивизией. Несколько лучше обстоит дело с материалами 7-го мехкорпуса, и особенно с его 14-й танковой дивизией – по последней даже сохранились акты на списание техники и журналы боевых действий полков и отдельных батальонов.

Помимо советских документов при подготовке данной работы использовались и немецкие материалы, хранящиеся в Национальном управлении архивов и документации США (National Archives and Records Administration, NARA). Кроме того, благодаря помощи друзей автору удалось побывать в основных местах, где происходило сражение – в Борисове, Толочине, Сенно, Богушевском, на реке Черногостица. Это во многом помогло при разборе боевых действий и выяснении причин того или иного решения командования.

Предлагаемая читателям работа является первой попыткой подробно рассмотреть попытку контрудара 5 и 7-го мехкорпусов в районе Сенно – Лепель и попытаться проанализировать причины его неудачи. Однако эта книга не претендует на полное восстановление картины происходящего, и автор будет благодарен всем, кто пришлет свои конструктивные замечания, и уточнения по данной теме на адрес: 1945maks@mail.ru.

Автор выражает благодарность всем, кто помогал в сборе материала и работе над данной книгой – Алексею Исаеву, Андрею Герасимовичу, Юрию Пашолоку, Андрею Карпову и Павлу Шиткину.

Отдельное спасибо хочется сказать своим друзьям Нине Соболевой, Евгению Драгунову и Александру Радаеву за организацию и проведение экспедиции по местам боев в районе Сенно. Особая благодарность моему другу Игорю Матюку за возможность прикоснуться к ожившей истории: посидеть за рычагами и почувствовать себя механиком-водителем и командиром легендарной «бетешки» – легкого танка БТ-7.

ПРЕЛЮДИЯ: БОРИСОВ – ЛОШНИЦА – КРУПКИ

Немецкий танк Pz.III Tauchpanzer с оборудованием для преодоления водных преград по дну из состава 18-й танковой дивизии вермахта. Машина была подбита в Борисове 1 или 2 июля 1941 года, хорошо видны пробойны с левой стороны лобового листа корпуса, а также поврежденное ведущее колесо (ЯМ).

Поражение войск Западного фронта в приграничном сражении на минском направлении привело к тому, что в обороне Красной армии образовалась брешь шириной 400 километров. Для восстановления положения Ставка Верховного Главнокомандования 1 июля 1941 года включила в состав Западного фронта четыре армии – 19, 20, 21 и 22-ю, которые до этого входили в группу армий резерва Главного Командования. Новые части и соединения развертывались в так называемых «Смоленских воротах» между Оршей и Витебском, на рубежах рек Днепр и Западная Двина.

Но пока прибывали резервы, задерживать наступление противника приходилось теми частями, которые избежали окружения под Минском, а также группами и отрядами, созданными в спешном порядке. Наиболее известным из таких групп стал гарнизон города Борисова.

К началу войны в городе размещалось Борисовское бронетанковое училище, начальником которого был корпусной комиссар Иван Захарович Сусайков.

Училище это было довольно молодое – сформированное в феврале 1940 года как Минское кавалерийское, в сентябре оно было переведено в Ново-Борисов (часть Борисова на западном берегу Березины. – *Прим. автора*) и переименовано в Борисовское кавалерийское. С 14 февраля по 15 марта 1941 года согласно приказу наркома обороны, его переформировали в Борисовское бронетанковое училище и к началу Великой Отечественной войны оно насчитывало около 1400 человек преподавателей и курсантов.

В 10.00 26 июня 1941 года через почтовую станцию Борисова начальник училища получил сообщение о том, что в районе Логайска появилась мотоколонна и танки

противника. В это же время пропала связь с Оршей и Минском. По приказанию корпусного комиссара Сусайкова училище было поднято по тревоге и выведено из военного городка Печь в лес на восточный берег Березины. На следующий день оно перешло на штатный расчет стрелкового полка 16-ротного состава (четыре батальона). Кроме того, в его состав включили сводный пятый батальон, сформированный из отходивших бойцов и командиров.

Одновременно корпусной комиссар И.З. Сусайков возглавил гарнизон Борисова, начав формирование частей из имевшегося личного состава. Для этого использовались отбившиеся от своих штабов подразделения, командиры, возвращающиеся из командировок и отпусков, вышедшие из окружения части. Например, 26 июня к Борисову отошли остатки 5-го гаубичного артполка 5-й танковой дивизии, разгромленной в районе Алитуса и Вильно.

Для получения данных о противнике по приказу Сусайкова дозоры из двух бронемашин провели разведку в сторону Минска на Смолевичи и Загорье (глубиной до 40 километров).

К 30 июня Борисовский гарнизон насчитывал 6876 человек «кроме частей 108-й стрелковой дивизии»: из состава последней, в городе оказался 585-й гаубичный артполк (около 600 человек). Таким образом, к началу июля в войсках гарнизона Борисова числилось около 7500 человек.

Наиболее боеспособным считалось танковое училище – об остальных частях Сусайков был невысокого мнения, называя их в докладе от 28 июня 1941 года «сборный сброд». Справедливости ради надо сказать, что создать из отдельных групп боеспособные соединения менее чем за неделю вряд ли было возможно. В городе оказались и кадровые части – 585-й гаубичный, и 575-й артполки (в первом 122 и 152-мм гаубицы, во втором 76-мм пушки), а также

**Сусайков Иван Захарович,
советский военачальник**

Родился 30 августа (12 сентября) 1903 года. В Красной армии с 1924 года, закончил Военно-политическую школу, с 1928 года – в танковых частях. В 1937 году окончил (без защиты диплома) Военную академию механизации и моторизации, после чего назначен военным комиссаром 11-й механизированной бригады. Затем – военком 6-й мехбригады и 7-го мехкорпуса, корпусной комиссар (с августа 1938 года). Член Военного совета Орловского, затем Белорусского военных округов, участвовал в «польском» походе в сентябре 1939 года, а затем в должности военкома 26-го стрелкового корпуса – в советско-финляндской войне. С июня 1940 года – член Военного совета Калининского, затем Прибалтийского Особого военных округов. В декабре переведен на должность заместителя начальника автобронетанкового управления по политчасти, в марте 1941 года резко понижен в должности и назначен начальником Борисовского танкового училища.

В июле 1941 года – начальник Борисовского гарнизона, во время боев р. Березина был тяжело ранен. После излечения занимал должности члена Военных советов Брянского и Воронежского фронтов, 6 декабря 1942 года Сусайкову присвоено воинское звание генерал-майор танковых войск. В 1943 году – член Военного совета Степного военного округа, затем Степного и 2-го Украинского фронтов, генерал-лейтенант. В этой должности принимал участие в оборонительных боях на Курской дуге, Белгородско-Харьковской наступательной операции, освобождении Левобережной и Правобережной Украины, Яссо-Кишиневской наступательной операции, освобождении Румынии и Болгарии, и разгроме немецких войск в Венгрии и Югославии. Осуществлял контроль за взаимоотношениями советской военной администрации и органами власти Румынии, участвовал в формировании Временного народного правительства Венгрии. В 1944 году – генерал-полковник танковых войск. После войны член Военного совета Южной группы войск, заместитель председателя Союзной Контрольной комиссии в Румынии, заместитель начальника тыла Вооруженных Сил, начальник Главного автотракторного управления, член Военного совета Туркестанского военного округа, консультант Группы генеральных инспекторов. С 1960 года – в запасе. Умер 12 июля 1962 года, похоронен на Новодевичьем кладбище г. Москвы.

несколько зенитных дивизионов, вооруженных 85, 76 и 37-мм орудиями. Правда и в кадровых, и в спешно формируемых отрядах ощущался острый недостаток вооружения и личного состава. Так, в докладе начальника отдела политической пропаганды Борисовского гарнизона бригадного комиссара Михеева от 30 июня 1941 года говорилось:

«Основным недостатком является еще медленное укомплектование ряда частей людским составом, оружием и материальной частью. Так, например, полк майора Горгашвили имеет более 700 человек рядового состава, всего 8 станковых пулеметов, отсутствуют ручные гранаты даже на один день боя, нет автоматического оружия и бронебойных винтпатрон. В полку полковника Тупицына материальная обеспеченность ниже, чем в полку майора Горгашвили.

Кадровый 585 гап 108 сд (командир майор Мородян) укомплектован на 75% людским составом, конским на 40%. В 3-м дивизионе отсутствуют трактора-тягачи, автомашинами обеспечены на 50%, боеприпасов $\frac{1}{2}$ б/к к 152-мм пушкам. 16 гау-

биц требуют ремонта, 5 из них капитального».

В целом по гарнизону не хватало до 500 винтовок для вооружения людей, имелось очень мало автомашин, совершенно отсутствовала колючая проволока, противотанковые мины, взрывчатка и перевязочный материал. Тяжелое положение было и с боеприпасами – совершенно не было выстрелов к 85-мм зениткам, отсутствовали бронебойные снаряды к 76 и 37-мм орудиям, не хватало снарядов к сорокапяткам.

В ряде публикаций, посвященных боям на Березине, можно встретить информацию о том, что в частях Борисовского гарнизона не было танков, что не соответствует действительности. Так, в датированной 30 марта 1941 года приемо-сдаточной ведомости вооружения и техники, передаваемого Борисовским кавалерийским училищем новосформированному Борисовскому танковому, значатся 7 танков БТ-2, 10 БТ-5, 4 БТ-7 и 35 танкеток Т-27 (последние использовались для обучения вождению механиков-водителей). А сводке по танковому училищу от 25 апреля числится 22 БТ

**Разбитый
автомобиль ГАЗ-ААА
со счетверенной
зенитной
установкой
пулеметов
Максима 4М
в кузове из состава
1-й моторизованной
дивизии. Район
Борисова, начало
июля 1941 года (ЯМ).**

Танк БТ-7М скорее всего из состава 9 или 10-й рот 12-го танкового полка подбитый у моста через Березину в Борисове (на западном берегу) в ходе атаки 1 июля 1941 года (АА).

(без разбивки на типы) и 18 Т-27. Разница в количестве бронеединиц связана, скорее всего, с получением из ремонта одного БТ и отправкой на ремонт 17 Т-27. Таким образом, к началу боев училище имело четыре десятка танков и танкеток, большая часть из которых, скорее всего была сильно изношена. Тем не менее, упоминания об участии этих машин в боях встречаются в журнале боевых действий училища.

К 28 июня 1941 года части Борисовского гарнизона заняли оборону на широком 50-километровом фронте от совхоза Веселово севернее Борисова до Чернявки южнее города. Из-за недостатка сил большая часть войск отдельными отрядами сосредотачивалась у переправ через Березину в Веселово, Бол. Ухолоды, Заборное (в районе этих населенных пунктов имелись деревянные мосты через реку) и в самом Борисове (деревянный пешеходный, железобетонный автомобильный на трассе Минск – Москва и железнодорожный мосты). Естественно, основные силы размещались в Борисове – два сводных стрелковых полка, 585-й гаубичный артполк, дивизион 76-мм орудий 575-го артполка, два дивизиона 76-мм зениток, минометная и пулеметная роты, танковый отряд. Приказом № 2 по Борисовскому гарнизону от 28 июня 1941 года отрядам предписывалось «упор-

ной обороной не дать противнику форсировать р. Березина, при полном истощении сил и средств переправы капитально взорвать, продолжая упорную оборону».

Кстати, сам И.З. Сусайков не питал никаких иллюзий относительно боевой ценности своего гарнизона. В своем докладе, направленном в штаб Западного фронта 28 июня, он просил усилить части танковым батальоном, сколоченным стрелковым полком, а также обеспечить противотанковыми средствами (орудиями и минами), боеприпасами, связью и продовольствием, отмечая при этом, что «вне учета этого вопрос обороны Борисова и рубежа р. Березина разрешен быть серьезно не может».

Несмотря на направленную в сторону Минска разведку, ситуация на фронте для командования Борисовского гарнизона в тот момент была совершенно неясной, сведения о противнике имелись самые противоречивые. Да и штаб Западного фронта едва ли представлял полную картину происходящего, и не мог помочь частям, занимавшим оборону на Березине, достоверной информацией. Происходящее в те дни и настроения людей хорошо иллюстрирует фрагмент из книги воспоминаний писателя Константина Симонова «В разные дни войны». Она была написана на основе дневниковых записей, которые Симонов вел

в годы войны (впоследствии многие эпизоды из дневников писатель включил в свой знаменитый роман «Живые и мертвые»):

«26-го [июня], вернее, в ночь на 26-е поезд подошел к Борисову. Известия с каждым часом были все тревожнее. И надо сказать, мы быстро привыкали к ним, хотя и трудно было поверить.

Рядом со мной в вагоне сидели полковник-танкист и его сын, мальчик лет шестнадцати, которого отцу разрешили взять с собой в армию. Кроме них, один артиллерийский капитан, по виду спокойный человек.

Слезли в Борисове в шесть утра. Дальше поезда не шли. Были сведения, что пути до Минска разбомблены и перехвачены десантом. Потом говорили, что немцы уже вышли на железную дорогу между Минском и Борисовом, обойдя Минск. Но нам это еще не приходило в голову, думали, десант...

Поев, три часа металась по городу в поисках власти. Ни комендант станции, ни комендант города ничего не могли сказать. Начальник гарнизона корпусной комиссар Сусайков был не то в городе, не то километрах в двенадцати от города

у себя в бронетанковом училище, которым он командовал.

После долгих поисков мы с артиллерийским капитаном поймали пятитонку, шофер которой готовился бросить ее из-за того, что кончился бензин, и поехали по Минскому шоссе искать хоть какое-нибудь начальство...

По дороге шли войска и машины. Один в одну сторону, другие – в другую. Ничего нельзя было понять.

Выехали из города, но там, где стояло бронетанковое училище, верней, должно было стоять, и где, по нашим расчетам, мог находиться начальник гарнизона, все было настезь распахнуто и пусто. Стояли только две танкетки, и в ожидании отъезда сидели в одной из комнат их экипажи. Никто ничего не знал. Начальник гарнизона, по слухам, был где-то на Минском шоссе, а училище было уже эвакуировано.

Поехали обратно в город. Немецкие самолеты гонялись за машинами. Один прошел над нами, строча из пулемета. От грузовика полетели щепки, но никого не задело. Я плюхнулся в пыль в придорожную канаву.

Вернулись в комендатуру. Комендант – старший лейтенант – кричал: «Закопать

Тот же танк БТ-7М, что и на предыдущем фото. Рядом самоходная установка 20-мм зенитки на полугусеничном тягаче Sd.Kfz. 10/4. За ним видно поврежденное в бою 50-мм противотанковое орудие. Июль 1941 года (АА).

пулеметы!» За два часа нашего отсутствия многое переменилось. По городу шли и бежали неизвестно куда люди.

Я попросил коменданта выдать мне наган. На это комендант мне ответил: «Эх! Что бы вам обратиться раньше на полчаса. Ничего не осталось. Все за час раздали. Даже маузеры раздавали рядовым бойцам».

В нашей машине бензин действительно был уже на исходе. Узнав, где находится нефтебаза – она была примерно в пятнадцати километрах в сторону Минска – поехали туда за бензином. По дороге посадили в машину какого-то интенданта и еще двух-трех военных.

На нефтебазе все оказалось спокойно, хотя по дороге нас уверяли, что там уже

То же место, что и на предыдущих фото, снятое спустя некоторое время. Танк БТ-7М уже сдвинут немцами в сторону, чтобы не мешать проезду. На этом фото хорошо видны не только фермы моста, но и его опоры (ЯМ).

Мост через Березину на старой автострате Москва – Минск в Борисове, современный вид. Август 2010 года. Металлические фермы уже другие, но опоры остались от моста довоенной постройки. БТ-7М, изображенный на предыдущих фото, стоял примерно там, где показано стрелкой (фото автора).

**Танк БТ-7М
1-й Московской
Пролетарской
дивизии, сгоревший
в бою за Борисов.
Июль 1941 года.
За ним виден
уничтоженный
немецкий легковой
автомобиль.
Предположительно
этот БТ-7М
находился
на окраине города
(АА).**

немцы. Пока мы ведрами заливали бензин в машину, капитан пошел к начальнику нефтебазы что-то выяснить. Войдя вслед за ним, я увидел странную картину: капитан, с которым я приехал, и какой-то полковник держали под взведенными наганами двух командиров в форме саперов. Один из них был с орденами. У обоих было отобрано оружие. Как впоследствии оказалось, их прислали сюда выяснить возможность подрыва нефтебазы, и не то они перепутали и явились уже подрывать ее, не то их не так поняли, в общем, вышло недоразумение, из-за которого капитан и полковник приняли их за диверсантов и пять минут держали под револьверными дулами. Когда все наконец выяснилось, один из саперов – немолодой майор с двумя орденами – стал кричать, что с ним никогда еще такого не было, что он три раза был ранен в финскую кампанию, что после такого позора ему остается только застрелиться. С трудом удалось его успокоить. Заправившись бензином, поехали обратно...

Когда мы снова добрались до города, комендатура грузилась. На мой вопрос,

что происходит, комендант охрипшим голосом прокричал:

– Есть приказ маршала Тимошенко оставить Борисов, перейти на ту сторону Березины и там, не пуская немцев, защищаться до последней капли крови!

Мы выехали из города. По пыльной дороге на восток шли машины, изредка – орудия. Двигались пешком люди. Теперь все же направлялись в одну сторону – на восток...

Переехав через мост, мы свернули с дороги и остановились в небольшом редком лесу, метрах в шестистах, от реки. Здесь уже кишмя кишело. По большей части все это были командиры и красноармейцы, ехавшие из отпусков обратно в части. А кроме них, бесконечное количество призванных, упорно двигавшихся на запад, на свои призывные пункты.

Было уже часа четыре дня. Несколько полковников, в том числе и тот полковник-танкист Лизюков, с которым я ехал в одном вагоне, наводили в лесу порядок. Составляли списки, делили людей на роты и батальоны и отправляли налево и направо вдоль берега Березины занимать оборону.

Было много винтовок, несколько пулеметов и орудий.

Артиллерийский капитан, с которым я ездил, отправился еще обратно в Борисов за снарядами и пушками, потому что хотя здесь были и пушки и снаряды, но калибр снарядов не соответствовал калибру орудий...

Я вернулся в лес. Шофер лежал под машиной, головой – под мотором. Выехав с ним на дорогу, мы узнали у проходивших военных, что всем приказано отойти километров на семь назад, туда, где через лес идет просека.

На лесной дороге было темно. Я шел перед машиной, чтобы не дать ей врезаться в деревья. Когда рассвело, мы добрались до опушки леса, где чуть ли не за каждым деревом стояли машины. Люди рыли окопы и щели.

Я оставил машину в лесу, рядом с другими машинами, а сам пошел искать какое-нибудь начальство. Мне указали, как на старшего, на корпусного комиссара Сусайкова. Он стоял на лесной дороге, молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской

шинели, накинутой на плечи, и почему-то с лопатой в руках. Я подошел к нему и по своей все еще не выветрившейся наивности спросил, где редакция газеты, в которой я мог бы работать, потому что я писатель, и направлен в армейскую газету.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и сказал равнодушно:

– Разве вы не видите, что делается? Какая газета?! Я сказал, что мне надо явиться в штаб фронта, в политуправление. Он покачал головой. Он не знал, где штаб фронта, вообще он ровно ничего не знал, так же как и все находившиеся вместе с ним в этом лесу».

Советское командование понимало важность удержания противника на рубеже Березины, но быстро усилить гарнизон Борисова не представлялось возможным – от рубежа развертывания резервных армий до Березины было почти 130 километров. Относительно быстро такое расстояние могло преодолеть только моторизованное соединение. Поэтому в спешном порядке к Борисову направили 1-ю Московскую Пролетарскую моторизованную дивизию 7-го механизированного корпуса.

Захваченная немцами позиция батареи 152-мм гаубиц М-10. Июль 1941 года. На обороте оригинала фото написано «Под Борисовым». Орудия скорее всего из состава 1-й Московской Пролетарской дивизии, хотя существует вероятность того, что это могут быть отошедшие к Березине остатки гаубичного артполка 5-й танковой дивизии (АА).

Немецкие солдаты осматривают подбитый танк БТ-7М из состава 1-й Московской Пролетарской дивизии. Автострада Минск – Москва, фото сделано осенью 1941-го или весной 1942 года. Сбоку на маске пушки видна цифра 3 (внизу справа дана более крупно) – такие обозначения использовались 1-й моторизованной дивизией на довоенных маневрах (АА).

Она была сформирована еще в декабре 1926 года как Московская Пролетарская стрелковая дивизия с дислокацией в Москве, и как правило, комплектовалась трудящимися этого города. К концу 1930-х годов это соединение являлось одним из лучших в Красной армии. Дивизия одной из первых получала на вооружение новые образцы боевой техники (например, динамомореактивные пушки Курчевского, тягачи «Пионер», автоматические винтовки Симонова АВС-36), регулярно участвовала в парадах на Красной площади. Летом 1940 года дивизию переформировали в моторизованную и включили в состав 7-го механизированного корпуса Московского военного округа. К началу Великой Отечественной войны в состав 1-й Московской Пролетарской дивизии входили 6 и 175-й мотострелковые, 12-й танковый и 13-й артиллерийский полки, 300-й зенитный и 123-й противотанковый артиллерийские дивизионы, 93-й разведывательный батальон, 28-й батальон связи, 22-й инженерный, 54-й ремонтно-восстановительный, 87-й медико-санитарный и 45-й автотранспортный батальоны. По состоянию

на 24 июня 1941 года она насчитывала 10955 человек, 205 танков БТ-7, 24 Т-38, 39 бронемашин БА-10 и БА-20, 1202 автомашины, 4 37-мм и 8 76-мм зенитных орудий, 30 45-мм противотанковых пушек, 8 76-мм полковых и 8 76-мм дивизионных (Ф-22УСВ) орудий, 16 122-мм и 12 152-мм гаубиц, 12 82-мм и 54 50-мм минометов. Дивизией командовал полковник Яков Григорьевич Крейзер.

В целом, соединение имело довольно высокий процент укомплектованности, близкий к полному штату военного времени: 93% по личному составу, 83% по танкам, 75% по броневикам, 76% по автотранспорту, 100% по артиллерии.

Кстати сказать, немецкое командование вермахта отмечало высокую боеспособность Пролетарской дивизии. Например, в бюллетене германского генерального штаба сухопутных войск «Вооруженные силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 года» говорилось:

«Особенно подготовленных соединений нет, кроме 1-й Пролетарской стрелковой дивизии, находящейся в Москве в качестве парадной».

